УРОКИ ДЕРЖАВИНА «ЗЕМНЫМ БОГАМ»

Н.Б.ЮЛДАШЕВ

В статье рассматривается своеобразие раскрытия темы назначения правителей в поэзии Г.Р.Державина.

The article observes the peculiarities in developing the theme of rulers' duties and responsibilities in Russian classic G.R.Derjavin's poetry.

Тема назначения «земных богов» относится к числу вечных. Она привлекала внимание художников с древних времен. К ней обращались Гомер, Софокл… Устами Эдипа Софокл рисовал свой идеал монарха. Обращаясь к своим подданным, царь говорил:

Союзником вам буду честным я,
Случаю верным и стране, и богу…

Думается, трактат Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре» своим источником имел опыт античных предков.

На Востоке популярными были «книги о царях». Таковы многочисленные арабские «Худай-наме», «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси. Индийский эпос «Махабхарата» большей частью посвящен интересующей нас теме. Алишер Навои в «Хамсе» создал ряд образов справедливых и жестоких правителей (Искандер, Доро). В «Бабурнаме» Захириддина Мухаммада Бабура представлены десятки портретов правителей – современников и предшественников автора.

У истоков русской литературы находятся «Повесть временных лет», «Поучения Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», в которых со-

держатся многочисленные рассуждения («поучения») о назначении «земных богов».

Русская литература XVIII века носила открыто "учительный" характер. Ломоносов, Фонвизин, Державин, Карамзин – по-своему учили царствовать монархов своего времени.

Крупнейший представитель русской допушкинской поэзии Гавриил Романович Державин своим многогранным творчеством «памятник себе воздвиг чудесный, вечный».

Широк был круг тем поэзии Державина. Одной из постоянных в его творчестве была тема назначения «земных богов». Оно понятно: поэт и царедворец, он занимал важнейшие посты при трех императорах – Екатерине II, Павле, Александре I и достойно продолжал традиции русской «учительной» литературы. Державин был автором «Рассуждений о достоинстве государственного человека». В знаменитом стихотворении "Памятник" поэт перечислял свои заслуги:

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Вопрос о взглядах Державина на назначение правителей и их отражении в его творчестве в литературоведении изучен недостаточно. Имеются отдельные наблюдения над «Фелицей», «Одой на всерадостное рождение е.в. великого князя Александра Павловича», «Стихами на рождение в Севере порфирородного отрока», одой-сатирой «Властителям и судиям» и другими сочинениями поэта. Отдельные высказывания не обобщены, носят фрагментарный характер. Даже в тех работах, которые посвящены произведениям об императорах, например, в статье В.А.Западова «Александровская ода Державина» [4] на первом плане оказывается вопрос «Державин и поэтика русского классицизма». Думается, что для поэта не менее важной была содержательная сторона его сочинений.

Знаменательно, что еще в первую отдельно вышедшую книгу Державина «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 года» вошли его стихи «На великость», «На знатность». Сами названия свидетельствуют о том, что в них художник обращался к сильным мира сего, требуя чести, справедливости, правосудия.

Емелька с Катилиной – змей,
Разбойник, распреник, грабитель.
И царь, невинных утеснитель –
Равно вселенной всей злодей.

* Во всех цитатах из «Избранной прозы» Державина сохраняются особенности его письма.

До последних дней своих Державин оставался верным монархическому строю, служил ему. Через все творчество поэта проходит в целом «теплый» образ «Её величества» – императрицы Екатерины II. Ставший участником ее переворота, Державин до конца ее правления оставался ей верным, осуждал любые посягательства на её самодержавный строй. Отсюда – далеко не во всем справедливые его оценки пугачевского движения.

Подводя итоги своей служебной деятельности в период правления Екатерины II, Державин писал: «… начав ея служить… от солдатства, слишком чрез 35 лет дошел до знаменитых чинов, отправляя безропотно и бескорыстно все возложенные на него должности, удостоился быть при ней лично, принимать и исполнять ея повеления с довольною доверенностью… Поелику же дух Державина склонен был всегда к морали, то если он и писал в похвалу торжеств ея стихи, всегда однако обращался аллегориею, или каким другим тонким образом к истине, а потому и не мог быть в сердце ее вовсе приятным» [2.180-181.Подчеркнуто мной – Н.Ю.]

Знаменитой «Фелице» (1782) предшествовали другие произведения Державина, посвященные царствующей семье. В 70-х годах поэт выступает со стихами «На день рождения ее величества», двумя одами в связи с днем рождения Александра Павловича, будущего российского императора.

Литературоведы справедливо считают, что с оды «На рождение в Севере порфирородного отрока»(1779) начинается новый период в творчестве Державина: преодолена подражательность («Ломоносовский вкус»), поэт начал писать в «собственном вкусе»- чрезмерная торжественность, отвлеченность образов уступили место конкретности. В оде сильно проявилась учительность поэзии Державина.

Младенца – будущего царя навещают аллегорические герои, «гении». Они приносят ему свои «дары»: «гром в руки», обилие и богатство, телесную и духовную красоту, прозорливость, разум, высоту духа Последний «гений» (десятый «тот») дарит младенцу самое важное – совет быть добродетельным, человечным:

Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!

Далее устами «гениев поэт характеризует этот, дар»:

Все крылами восплескали,
Каждый гений восклицал:
Се божественный, вещали,
Дар младенцу он избрал!
Дар, всему полезный миру!

Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!
Будет, - и Судьбы гласили,-
Он монархам образец!

Позже, в «Фелице», «человеком на троне была изображена Екатерина II. По Державину «человечность» – высший критерий идеальности монарха. Неслучайно: «Будет… Он монархам образец!»

В.Г.Белинский называл «Фелицу» одним из «лучших созданий Державина. В ней полнота чувства счастливо сочеталась с оригинальностью формы, в которой виден русский ум и слышится русская речь… Олицетворяя в себе современное общество, поэт тонко хвалит Фелицу, сравнивая себя с нею и сатирически изображая свои пороки» [3.538. Подчеркнуто мной – Н.Ю.]. «Тонкость» восхваления заключалась и в «уроках» Державина. Богоуподобив Фелицу («Богоподобная царевна киргиз-кайсацкой орды…»), Державин далее переходил к назиданиям. Поэт говорил о подданных, что:

Царей они подвластны воле,
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Законы основаны на «божеской воле», едины для всех. В лице Фелицы-Екатерины II Державин создал образ просвещенного монарха.

Правда, образ «Её величества» на разных этапах творчества поэта претерпевал изменения: «богоподобие» отходило на задний план, начинали преобладать учительные моменты. Назначенный секретарем императрицы (1791г.) Державин понимал, что «Её величество» хотела бы превратить его в своего певца, но «не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вбилизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями. Сколько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное» [2.176].

В сентябре 1793 года Державин был отставлен от секретарства императрицы, так как « правдою своею часто наскучивал» [2.159], назначен сенатором.

Последние годы правления Екатерины II (1793-1796) были для Державина напряженными. В 1795 году императрицей было запрещено издание собрания сочинений поэта. Державин «приметил в Императрице к себе холодность, а окружающие ее бегали его» [2.177]. Причину «холодности» двора Державин узнал от своего друга, дипломата Булгакова: «Что ты, братец, пишешь за якобинские стихи?» - «Какие?» - «Ты переложил псалом 81-й, который не может быть двору приятен» [2.177]. Позже, в своих «Объяснениях к своим сочинениям», Державин писал, что они не были изданы до кончины «Её величества».

81-й псалом был переложен Державиным в одесатире «Властителям и судиям». Псалом этот и в самом деле был использован якобинцами. Во время французской революции (1789-1794) его пели на улицах Парижа. Но об этом Державин узнал позднее, и свой шаг он оправдывал, ссылаясь на то, что библейский царь Давид не был якобинцем (он в псалмах обличал своих врагов). С помощью библейских мотивов поэт выражал свои гражданские идеалы.

Одой-сатирой «Властителям и судиям» Державин нападал на царящее повсюду беззаконие, устами всевышнего судил «земных богов»:

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

и формулировал свое понимание обязанностей монархов:

Ваш долг есть сохранять законы,
На лица сильных не взирать.
Без помощи и обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг спасать от бед невинных
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Две анафорические строфы («Ваш долг…», «Ваш долг…»), являясь программными для монархов, предшествуют строфе, рисующей реальную картину правления:

Не внемлют! Видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса

В стихотворении нашло отражение характерное для Державина обобщение: обращаясь к «земным богам», поэт повторяет мысль об их равенстве с простыми людьми перед лицом смерти:

Вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!

Таким образом, текст псалма под пером Державина приобретал грозный обличительно-учительный характер.

Державин явился автором многочисленных героико-патриотических сочинений. Подвиги русских воинов, особенно в войнах справедливых,

вдохновляли поэта на создание гимнов, хвалебных од. Однако в целом он осуждал завоевательную политику Екатерины II. В своих «Записках» поэт отмечал: «Приметно было, что душа ея более занята военною славою и замыслами политическими… Вырывались также иногда у нее внезапные речи, глубину души её обнаруживающие. Например: «Ежели б я прожила 200 лет, то бы конечно вся Европа подвержена б была Российскому скипетру» [2.143].

В оде «На рождение царицы Гремиславы» Державин проводит не только высокую мысль

Так знает царствовать искусство
Лишь в Гремиславе – божество,

но и не менее характерную для него «учительную» мысль:

Живи и жить давай другим,
Но только не на счёт другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого.

Это поэт напомнил Гремиславе-Екатерине II любимую и часто повторяемую ею поговорку: «Живи и жить давай другим».

В отличие от княгини Е.Р.Дашковой и многих других своих современников, ставивших Екатерину II выше Петра I, Державин, считая императрицу «мудрой и сильной», в то же время был осторожен в употреблении слова «Великая»: «… ежели в суждении строгого потомства не удержит на вечность имя Великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости» [2.181].

6 ноября 1796 года Екатерина II скончалась, на престол вступил её сын Павел. Ряд его первых шагов (прекращение многих следственных дел, отмена рекрутского набора, освобождение из тюрьмы и ссылки Н.И.Новикова, А.Н.Радишева) был одобрительно встречен обществом. «За чрезвычайные милости для народы Державин воздал хвалу Павлу в «Оде на новый 1797-й год». Последующие действия императора (усиление реакции, ужесточение армейских норм…) разочаровывали общество и двор. Державин увидел в Павле « самовластного и крутого государя», считал, что он «приводил отечество своим нравом к погибели» [2.207].

В ночь на 12 марта 1801 года Павел был задушен в спальне придворными. В заговоре участвовали его сыновья Александр (будущий император) и Константин. Этот шаг Державин считал «ужасным подвигом, впрочем непростительным», хотя и понимал, что он предпринят был «единственно для спасения отечества» [2.207]. И тем не менее поэт выступил с предложением произвести следствие обстоятельств смерти императора. Никакой комиссии не было создано. Своим первым же указом новый император Александр I вывел Державина из Государственного Совета.

До 1803 года Державин служил в министерстве юстиции. Он не уставал повторять и Александру I, что «правда лишь над вселенной царь». Не все «уроки» были по душе императору. В своих «Записках» Державин вспоминал: «… час от часу холоднее становился и царь с гневом говорил: «Ты меня всегда хочешь учить… Я самодержавный государь и так хочу…» [2.230].

Державин не забыл добавить в «Памятнике», что «истину царям с улыбкой говорил», т.е. смягчая резкость нравоучения шутливостью тона. Чиновник империи, сын своего времени он вынужден был считаться с обстоятельствами. Но прав был Александр I: поэт « всегда хотел учить» императоров. Художник подчеркивал, что он «добрых царей поет». Если и писал он хвалебные оды в их честь, то они воспринимались как воспевание добродетели, как уроки «земным богам». В оде «Видение мурзы(1784)» поэт писал о себе: «… я не из числа льстецов». А в 1807 году, будучи уже в отставке, в стихотворении «Признание» Державин писал:

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид.
. . . . . .
Если звуки посвящались
Лиры моея царям, -
Добродетельми казались
Мне они равны богам.

Литература:

1. М.В.Ломоносов. Г.Р.Державин. Избранное. – М.: Правда, 1984.
2. Державин Г.Р.Избранная проза.- М., 1984.
3. Белинский В.Г. Сочинения Державина // Белинский В.Г.Собр. соч. в 3-х т., т.2.-М., 1948.
4. Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вопросы метода и стиля. – Л., 1984.
5. Перевезенцев С. Россия. Великая судьба. – М.: Белый город, 2005.
6. Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. – М., 1982.
7. Юлдашев Н.Б. Очерки истории русской литературы XVIII века. – Андижан, 2009.

Андижон давлат университети,
2011 йил 29 июнда қабул қилинган